

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

В данной статье будет рассмотрен феномен провинциальной идентичности в контексте социокультурной ситуации постсовременности.

Рубеж XX–XXI веков ознаменовался появлением новых понятий, характеризующих новое социокультурное состояние, условно называемое учеными состоянием постсовременности («высокой» современности).

Феномены телеметрической цивилизации, информационных потоков, цифровой революции и пр. явились основой создания метафоры «конца современности» и позволили выдвинуть тезис о «конце социальности», поставив перед гуманитарной мыслью множество вопросов.

Термин «постсовременность» достаточно условен, но в то же время имеет несколько сущностных характеристик. Прежде всего, это видоизменившиеся характеристики времени и пространства.

Как отмечает А. Согомонов, в постсовременной цивилизации время настолько сжато, что постепенно исчезают даже такие метафоры, как время раздумий, время принятия решений, время действий, время собирания и разбрасывания камней и т.д. Вместо этого возникают императивы: достигнуть, опередить, успеть, догнать и перегнать, или хотя бы не опоздать. Время компьютеризируется и утрачивает физические характеристики (в digitalизированном времени нет естественно-природного состояния, времени суток, года, нет ни рабочих, ни досуговых, ни прочих социально-антропологических форм хронометрии). Время техники и экономики отчуждено от биологических часов современно-го человека [8].

Пространственный аспект постсовременности описывается в понятиях «места» и «потоков», концентрирует внимание на «глобальном» и «локальном» измерении реальности. Глобальное и локальное образуют сегодня принципиально новую шкалу современности.

В философской, социологической, культурологической литературе 90-х годов XX века появился термин «глокализация».

Глокализация – региональный сценарий глобализации. Термин введен социологом Роландом Робертсоном. Глокализация рассматривается им как один из распространённых вариантов глобализации, проявляемый, прежде всего, в сфере производства и потребления. Это способность универсальных товаров перевоплотиться в региональные формы, то есть, подстроиться к специфике локального рынка в свете обострения борьбы между транснациональными компаниями и движе-

нием антиглобализма со смещением в сторону отстаивания прав национальных производителей и потребителей.

Слово «глокальный» сочетает значения антонимов «глобальный» и «локальный». Этот термин позволяет избежать двух крайностей: с одной стороны, всеохватывающей глобализации, с другой стороны – приверженности традиционному обществу. В последнее время, особенно после падения железного занавеса, быстро происходят процессы глобализации экономики, связи, транспорта, международного права, туризма, культуры. Одновременно отмечается и противоположная тенденция к ускоренному развитию локальных культур, малых этносов, обострению их притязаний на суверенитет (бывший СССР, Югославия, баски в Испании, «многокультурные» в США и т.п.). Нации, с одной стороны, объединяются глобальными системами коммуникации, коммерции и т.д.; с другой стороны, расщепляются на этно-региональные составляющие. Все это ведет к размыванию традиционных национально-государственных границ с двух сторон.

Термин «глокализация» позволяет по-иному посмотреть на проблему провинции и расставить акценты в классическом взаимоотношении Центра и периферии. Территории отныне отличаются друг от друга не историко-хронологической «развитостью» или «отсталостью», но своей уникальностью и неповторимостью моделей инкорпорации в глобальные потоки в сочетании с местными культурными традициями, социальными устоями.

Внимание ученых стала привлекать глобально-локальная бинарность сегодняшнего мира. Гуманитарии все более и более уходят от мышления в дихотомичных категориях (Центр – периферия). Если в традиции «проекта Модерн» вся социальная вселенная делилась на «продвинутые» миры и прочий «отсталый» мир, то глокальность существует на стыке двух миров: «мира потоков» (включенность в глобальные процессы) и «мира мест» (погруженность в уникальную социокультурную ситуацию).

Проблема глокализации и парадигмальный разворот науки в сторону горизонтальных иерархий позволяет по-новому поставить проблему идентичности. Глокализация обостряет проблему идентичности. Не случайно мы наблюдаем интерес к такому феномену как мультикультурализм.

«Идентичность (от лат. *idem* – тот же самый) – тождественность, одинаковость, полное совпадение чего-нибудь с чем-нибудь». По мнению современных западных исследователей, идентичность представляет собой целый комплекс, образуемый социальными процессами различного уровня и раскрывающийся в контексте анализа трех взаимосвязанных моментов: места действия, сети и памяти. «Три перечисленных момента представляют собой три перспективы, в которых раскрываются различные грани (или измерения) одного и того же фе-

номена. Этот феномен можно описать следующим образом: я начинаю осознавать собственное место благодаря тому, что оказываюсь включенным в некоторую сеть смыслов, которые аккумулируются в памяти, образуя тем самым основу для социального и межличностного взаимопонимания и взаимодействия» [2].

Понятие «идентичность» сегодня широко используется в этнологии, психологии, культурной и социальной антропологии. В самом общем понимании оно означает осознание человеком своей принадлежности к какой-либо группе, позволяющее ему определить свое место в социокультурном пространстве и свободно ориентироваться в окружающем мире. Необходимость в идентичности вызвана тем, что каждый человек нуждается в известной упорядоченности своей жизнедеятельности, которую он может получить только в сообществе других людей. Для этого он должен добровольно принять господствующие в данном сообществе элементы сознания, вкусы, привычки, нормы, ценности и иные средства общения. Суть культурной идентичности заключается в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества [3].

Среди прочих видов идентичности (культурной, этнической, социальной и пр.) существует феномен провинциальной идентичности, который в контексте глокализации, казалось бы, должен потерять свою актуальность, но интерес к нему, напротив, обостряется.

В рамках феномена глокализации современность рассматривается как целенаправленно творимая повседневность в рамках локальной культуры. В социокультурной ситуации постсовременности столица как центр притяжения земель или фокус культуры окончательно теряет значение и становится формальной претензией на руководство, оспариваемой всеми вокруг. Провинциализм приобретает иное значение. Теперь его можно рассмотреть не в контексте отношений Центр – периферия, а, скорее всего, как специфический способ мышления и мировосприятия, выражающийся в невосприимчивости к чужим ценностям, неспособности найти в самом себе силы для самораскрытия.

Провинциализм может быть разным, в зависимости от того, кто его создает. Это просто человеческое мышление, определившее свое негативное отношение к чужой культуре. Провинциализм – это замкнутость на собственных проблемах, интеллектуальная и моральная самодостаточность, интерпретируемая скорее как самодовольство, ментальный застой и немобильное мышление. Невежество – беда провинциализма (причем невежественным можно оставаться и в столице).

В гуманитарных науках ведутся серьезные исследования феномена провинциализма. Большинство ученых полагают, что это социально-психологический феномен, присущий по большей части представителям интеллигенции. Так, интерес представляют выводы, к которым пришел С.С. Рапопорт, научный сотрудник Института социальных

исследований Литвы, изучавший синдром провинциализма в ментальности литовских художников [7].

Истоками формирования подобного синдрома он считает сложные отношения между «творчеством» и «повседневностью». Полагая, что эти две сферы жизни противостоят друг другу: творчество (процесс и продукт) отрицает повседневность. Однако в определенных социокультурных обстоятельствах творчество как бы «заражается» повседневностью, интеллигент начинает остро чувствовать провинциальность, второсортность среды, а восприятие второсортности «топоса» ведет к ощущению «банальности» творческой деятельности. Как мы увидим, призрак банальности преследует в провинции многих интеллигентов.

Появление же рефлексии по поводу оппозиции «центр» – «провинция» означает, что мир ценностно переструктурируется.

Ощущение провинциальности, полагает исследователь, – одна из латентных структур сознания, которые оказывают немалое влияние на индивидуальное самочувствие и творческую активность личности. «Синдромом провинциальности» мы называем эмоциональный, не обязательно выраженный словесно приговор, который восприниматель социокультурного объекта выносит ему на основании мгновенного ощущения. Приписывание свойства провинциальности данному объекту – это оценочное интуитивное решение, являющееся результатом определенной ценностной установки. Чаще всего это негативная оценка объекта как второсортного. Оценивая объект как провинциальный, человек или отмежевывается от него, или идентифицирует себя с ним.

Синдром провинциальности является целостным стереотипным образом восприятия. Призрак провинциальности, преследующий интеллигента, состоит из:

- образа «отсталости» географического ареала и среды проживания художника;
- представления о «серости» персонажей второго плана, то есть граждан «не нашего» сословия;
- устойчивого впечатления о тривиальности членов «ближнего круга» – поз, речи, мыслей, поступков.

В целом, удел провинциального интеллигента в сознании творческих людей (в исследованиях Рапопорта – провинциального художника) – это удел неудачника, не сумевшего реализоваться в столице и вынужденного приспособливаться к банальности и тривиальности провинциального социокультурного ландшафта. В подобных установках сказывается идеологическое воздействие иерархически структурируемой идеологии «проекта модерн».

Формированию синдрома провинциализма в немалой степени содействуют местные СМИ, с их непрофессионализмом, переходящим зачастую в откровенную банальность. У нас все еще принято делить

новости на «глобальные» и «локальные», ориентировать их на разные возрастные и образовательные группы читателей. Одних интересуют местные тусовки и пивные, других – то, что делается в Нью-Йорке и в космосе. А между тем у многих глобальных событий появляется местный колорит. Важно научиться создавать глокальный акцент в подаче новостей.

Феномен глокализации, позволяющий заменить вертикальное членение социокультурного ландшафта горизонтальным, позволяет избежать формирования такого синдрома. Возможно, люди, заболевшие «синдромом провинциализма», являются духовно несамостоятельными, зависимыми и несамодостаточными.

Тенденции глокализации ведут к тому, что провинциальная идентичность как феномен сознания постепенно исчезнет и заменится идентичностью культурной. Культурной идентичностью не в смысле консервации архаических пластов национальной культуры, акцентирования внимания на этническом своеобразии (причем зачастую этнический, фольклорный пласт культуры существует уже скорее как симулятивный). Понимание национальной культуры и ее подлинного духовного достояния заменяется порой симулякрот этнической обрядности (попытки культивировать архаические языческие праздники в виде массовых гуляний и пр.). В контексте же массовой культуры фольклор утрачивает свою аутентичность, становясь своеобразной формой шоу-бизнеса.

Национальная культура – это, прежде всего, формирование национальной интеллигенции, способной интегрироваться в глобальные процессы, не теряя собственной уникальности. Этого, конечно, невозможно достичь, не преодолев синдрома провинциализма в науке. Подобное преодоление может осуществиться только через широкие международные контакты, конференции, общение ученых, представителей творческой интеллигенции, через широкий доступ к информации, создание современных коммуникаций.

Механизмы выхода из синдрома провинциализма не столь просты. Первичным импульсом, на мой взгляд, является недовольство собой. Это недовольство рождается как внутри индивида, так и в рамках локальной культуры в целом. При этом недовольство не есть бегство в столицу, а формирование собственного «локального достоинства» в контексте мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или: конец социального. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.
2. Бедаш Ю. Пространственная идентичность в эпоху глобализации// <http://topos.chu-3international.org/zine/2006/1/bedash.htm>.
3. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов (Под ред. А.П. Садохина). – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.

4. Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: Intrada MMI, 2001.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.-СПб.: «Алетейя» – Изд-во «Институт экспериментальной социологии», 1998. Гл. 4–5.
6. Павлов А. Многомерность провинциализма // <http://www.topos.ru/article/1499>.
7. Рапопорт С.С. «Синдром провинциальности» творческой интеллигенции // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Article/Rap_Sindr.php.
8. Согомонов А. Глокальность. Очерк социологии пространственного воображения // <http://www.globalculture.ru/news/news72.html>.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова